

Первых Д.К.

УДК 008:328 161:687.016

ИСТОРИЧЕСКИЙ КРИЗИС И СЕМАНТИКА МОДЫ (1853 – 1870 ГГ.).

История моды, костюма, семиотика моды становились предметом исследования многих историков, культурологов, этнографов. Эти работы касались изучения народного костюма в России [13], модных традиций европейских стран [8], философии костюма, начиная с древнейших времен [9], форменной одежды военных и гражданских чинов [5], специфики знаковой системы моды [3] и т.д.

В статье анализируется мода второй половины XIX века в один из самых нестабильных, трагических, исторически сложных периодов российской истории. Цель работы – выяснить, как соотносятся исторический кризис и культура на примере изучения модных направлений, модных тенденций в годы Крымской войны, послевоенного, предреформенного и реформенного времени в России. Необходимой видится постановка следующих задач: рассмотреть художественные и исторические особенности возникновения тех или иных модных направлений; разобраться в специфике и закономерностях появления новых течений и форм в одежде; понять историческую, эстетическую и этическую природу моды кризисного времени.

Мода кризисного времени – одно из самых противоречивых и скандальных явлений в культуре и истории моды, поскольку речь вовсе не идет о кризисе в самой моде, остановке ее развития, ограничении в фасонах и моделях. В нашем понимании, мода кризисного времени – это сочетание направлений, тенденций, смыслов и «подтекстов», которые несет в себе мода в контексте исторического пути своей страны. Основными источниками в изучении моды кризисного периода второй половины XIX становятся найденные нами архивные материалы, художественная литература и публицистика.

К концу 60-х годов XIX века в России насчитывалось более тридцати журналов, посвященных моде, женским темам с приложением модных картинок, нот и даже выкроек: "Магазин мод и рукоделья", иллюстрированный журнал для светских людей «Мода» (1851 г.), журнал беллетристики, науки, изящных искусств, женского воспитания, мод и новостей «Русский Базар» (1863 г.), а с 1867 г. – «Новый русский базар», журналы для дам и девиц "Ласточка" (1859 г.), "Модный магазин" (1861 г.), "Модный свет" (1868 г.) и др. Выпускались и специализированные издания для девочек и девиц: "Мой журнал" и "Лучи", где помещались заметки о тонкостях воспитания, этикета, кулинарии и образования. Тексты о моде, как правило, переводились из французских журналов и представляли собой подробное описание разнообразных нарядов и аксессуаров. В русских изданиях, помимо мод, печатались стихи, поэмы, романы, переводная проза, анекдоты. Модные новинки были настолько популярны, что разделом «Моды» не пренебрегали и серьезные литературно-политические издания: «Современник», «Москвитянин», «Отечественные записки». Редакторы старались уловить настроения и потребности общества и использовать эти настроения для рейтинга издания.

Опираясь на исторические факты, воспоминания и свидетельства современников, журналистские отзывы, критические заметки статьи, позволительно говорить о том, что модные веяния напрямую зависели от складывающейся политической ситуации в стране. Однозначным примером на этот счет становится мода периода Крымской войны 1853 – 1856 годов. Наряду с кринолинами, куафюрами, шляпками, платьями «муар-антик», в разгар войны 1855 г. в обиход вошли «новые военные пальто, очень удобные и красивые, соблазнившие многих статских»: «На петербургских улицах вы можете нередко встретить теперь таковых господ в серых пальто с петлею назад и в круглой шляпе. <...> Война отражается на всем – даже в моде – и некоторые мирные граждане невольно принимают воинственный вид и подражают военным в покрое платья», – информирует «Современник» [16, т. 54, с. 118]. Характерно, что на парижской моде война тоже сказалась. Француженки ввели в обиход «материю для платьев: цвет – серо-пороховой с большими атласными черными кружками в виде ядер» под названием «Севастополь!». «Современник» с заметной иронией комментирует, что эти платья «с ядрами и бомбами можно решиться надевать только дамам очень высокого роста, имеющим, притом величественные манеры» [16, т. 54, с. 285]. Отсутствие этического чутья в обществе особо волнует передовых публицистов, и каждый номер «Современника» передает эти тревожные и возмущенные настроения. Рядом с трагической хроникой военных действий, письмами очевидцев «с поля боя» редакция продуманно – для контраста – размещает рубрики «Современные известия», «Моды», пестрящие рассказами о выставках, театральных новинках, балах, праздничных веселых маскарадах и шикарных одеждах, будто в мирное время, владевших чувствами столичного общества.

Российские модницы не уступали француженкам, и новый 1856 г., несмотря на войну и падение Севастополя в сентябре 1855 г., встретили с размахом и роскошью, с новогодними елками и маскарадами. В «Заметках Нового Поэта о петербургской жизни» (И.И.Панаева) описания этих елочных торжеств печально-ироничны, потому как новогодние елки стали предметом честолюбивой конкуренции: у кого все ярче и богаче. Гости принимаются хозяевами по чинам, наряды детей – также элемент тщеславия. Впрочем, о трагической войне напоминают новогодние костюмы мальчиков – «ополченческие серые кафтанчики с высокими сапожками, с красною оторочкою и с красными кушаками» [16, т. 55, с. 86]. Девочки, поскольку именно в это время идет «замирение» с бывшими противниками – англичанами и французами, «одеты в коротенькие платьица, как дети английской королевы Виктории», – с горечью подмечает «Современник».

Художественная литература не отставала от общей идеи и направленности журнала. Насколько легко мода приживалась в обществе, свидетельствует повесть Е. Колбасина «Девичья кожа». Главный герой Аркадий Малевич в разгар войны, о которой, кстати, говорят лишь детали произведения, заказывает себе

«серое патриотическое пальто, потому что все такие носят, оно красиво». И далее: «По множеству же хлопот, о военных событиях ничего не знаю. Война, говорят, продолжается», – пишет родителям Аркадий [16, т. 68, с. 636]. Явные намеки автора на равнодушие публики к войне и беспокойство лишь о своем благополучии становятся лейтмотивом произведения. Учитывая, что Колбасин – последовательный сотрудник «Современника», близкий, к тому же, к И.С. Тургеневу, легко можно предположить, что детали повести отражают настроения «Современника» военных лет: то же указание на равнодушие публики к войне, Кронштадт – место экскурсий, в моде – пальто военного кроя.

В 1856 г. ведущий сотрудник «Современника» Н.Г. Чернышевский настаивал на закрытии раздела мод, сокращении «Смеси» в пользу «Наук», замене переводных и компилятивных статей оригинальными работами: «Беллетристическая библиография была до сих пор главною; теперь нужно отстранить ее на второй план и более писать о серьезных книгах живого содержания» [4, с. 219]. Заметим, в 1853 г., еще до сотрудничества в «Современнике», Чернышевский работал в журнале «Мода». Сотрудничество было вынужденным: «Я, не умеющий отличить кисею от барежи, писал статьи о модах, в журнале «Мода», и не стыжусь этого, – вспоминал Чернышевский, – так было нужно, иначе мне нечего было бы есть» [4, с. 154]. Тем не менее, редакторат «Современника» не упразднил раздел «Моды», вероятно, руководствуясь коммерческой тактикой журнала.

Тот факт, что мода легко поддавалась общественным настроениям, подтверждает и дочь писателя С.Т. Аксакова – Вера Сергеевна. В дневнике в апреле – мае 1855 г., т. е. в самые трагические для России дни, она записывает: «Всюду разнеслись слухи, что государь Александр Николаевич желает дать камергерам и камер-юнкерам вместо мундиров какие-то народные кафтаны; говорили даже, что они (камер-юнкеры – Д.П.) будут переименованы на старый манер в стольников и ключников» [1, с. 102].

Симферопольские модницы, несмотря на близость к эпицентру Крымской войны, также достаточно легкомысленно подошли к выбору нарядов, что вызвало негодование даже у чиновников. 1 августа 1855 г. вышел приказ военного губернатора Таврической губернии генерал-майора Н.В. Адлерберга: «Замечено мною, что в Симферополе некоторые особы женского пола избрели для своего одевания какие-то плащи по образцу военных шинелей и даже нашивают на них форменные пуговицы и погоны с галунами, одевая таким же образом своих детей». Адлерберг предупреждает: «Форменная военная одежда не есть игрушка и не модное дамское одевание, присвоенное исключительно лишь состоящим в действительной военной службе лицам мужского пола, я вменяю сим в непрременную обязанность полиции объявить жителям, что подобное несоответственное применение военной формы к женским уборам и детскому одеванию строго воспрещается <...>, неисполнением они (женщины – Д.П.) вовлекут своих мужей и ближайших родственников в строгую ответственность» [7].

В жестких условиях цензуры редакция «Современника» ищет способы донести до читателя свои идеи и основывает работу журнала на контрастной подаче материалов: информация о благополучии, веселье, роскоши соседствует с художественными и документальными публикациями о войне. Так, в майских «Современных известиях» (1856 г.) читаем о пышных празднованиях в российской столице 17 апреля 1856 г., спустя месяц после подписания мирного договора, дня рождения Императора Александра II. Петербург представлял собой «сплошной ряд огней, ковров, гирианд, транспарантов». Разумеется, в условиях цензуры эта официальная информация не могла быть прокомментирована. Но, учитывая, что материал помещен в соседстве со статьей Е.П. Ковалевского «Бомбардирование Севастополя» и последней «Хроникой военных известий», можем предположить, как должен был воспринимать ее читатель.

Та же праздничность царя и в Париже, во время крестин французского императорского принца. Размах торжества передает цитата «Современником» одного из парижских модных журналов: «Знаменитый модельный дом Делиль никогда не имел столько заказов, как в настоящую минуту, по случаю крещения принца и коронования Государя Императора». В разделе моды подмечено: «Чтобы носить такие платья и куафюры, можно отдать если не полжизни, то полсостояния» [16, т. 57, с. 258]. В следующем номере «Современника» находим: «Вслед за жертвами, принесенными Крымской войне, роскошь усиливается в Париже до невероятных размеров». Украшения и туалеты дам стоимостью по тридцать – сорок тысяч франков наводят «на печальную мысль о торжестве наглости, бесстыдства, и о постоянных лишениях, с которыми соединена судьба честного труженика» [16, т. 58, с. 100], – комментирует журнал.

Тем временем российские поклонницы кринолинов, пик увлечения которыми относится к середине 1860-х гг., заменяют крахмальные юбки из китового уса металлическими конструкциями, похожими на клетки, в память о Крымской войне названными «малаховскими». Популярными становятся гусарские и турецкие курточки, заимствованные из военных форм [13, с. 79].

Другое дело, когда мода формировалась потребностью человека в тепле и удобстве, приспособляясь к тяжелым условиям войны зимой 1854 – 1855 гг. Чтобы противостоять суровой погоде и крымским ветрам, английские солдаты изобрели одежду, дошедшую до наших дней: вязаный капюшон – «балаклавский шлем»; вязаный жакет на пуговицах – «кардиган», названный в честь его изобретателя, генерал-майора лорда Кардигана. В пошиве пальто стал широко использоваться крой *реглан* (разработка командующего английской армией британского лорда Раглана) – рукав, составляющий с плечом одно целое и позволяющий уменьшить попадание воды в плечевые швы. В Лондоне объектами для подражания становятся вернувшиеся из Крыма воины. Бороды и трубки отныне обозначают символы мужества, а в гардеробах мужчин и женщин надолго приживаются предметы новой военно-гражданской моды [2].

Окончилась война, но политическая ситуация не стала спокойней: в России близилась крестьянская, военная реформы, все более остро звучала тема эмансипации женщин. Историки подчеркивают особое значение тяжело проигранной войны в деле форсирования реформ. Исследователь А. Корнилов в статье

«Основные течения правительства и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы» пишет, что с началом русско-турецкой войны общественное мнение в России стало «пробуждаться и дерзать обнаруживаться»: «Казалось, что из томительной и мрачной темницы мы будто выходим, если не на свет Божий, то, по крайней мере, в предверие к нему, где уже чувствуется освежающий воздух» [10, с. 9].

В прессе все чаще печатаются статьи в духе революционной демократии. В «Современнике» Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский открыто пропагандируют необходимость реформ, активно публикуя материалы по крестьянскому делу, о российском судопроизводстве, о положении женщин, проводя параллели по этим проблемам с европейскими странами; пришли новые художественные произведения, на десятилетия занявшие место в умах и толках общества. Роман Чернышевского «Что делать?» современники называют «нигилистским молитвенником» [12, с. 139]. В России складывается революционная ситуация.

Художник Илья Репин очень точно охарактеризовал эту социально-культурную эпоху: «Внутри образованных кружков молодая жизнь кипела идеями Чернышевского, бурлило тайно все мыслящее, затаенно жило непримиримыми идеями будущего и верило свято в третий сон Веры Павловны». «Учились на лекциях, читали и особенно быстро поглощали все фейерверки текущей злободневной тогда журналистики». Литературными образцами были два героя: Рахметов и Базаров, книгой «Что делать?» зачитывались «не только по затрепанным экземплярам», но и по спискам, сохранившимся вместе с «писаной запрещенной литературой и недозволенными карточками «политических»» [14, с. 192]. Первое покушение на жизнь Александра II (1866 г.) «озадачило всех простых людей до столбняка», – пишет И. Репин, заново переживая свои впечатления от казни Каракозова. «Административный вихрь зловеще носился над учащейся молодежью», следовали аресты за арестами: «Сколько было сожжено запрещенной литературы, печатной и писаной!». Контрастность культуры задается сложностью политической ситуации и влечет за собой разнохарактерность модных тенденций.

В российской женской моде возникло совершенно новое направление, вызванное появлением эмансипированных женщин-нигилисток, решительно отвергающих неудобные в ходьбе и закоснелые фасоны платьев, корсеты, мешавшие нормальному дыханию, претенциозные украшения. Одежда студенток, курсисток, прогрессивных женщин стала формой выражения их социальных настроений. Отражением политической обстановки России становится вольная и шокирующая новая мода «новых людей». Портрет женщины-нигилистки – коротко стриженные волосы, аскетичное темное короче обычного платья, высокие черные выше щиколотки сапоги и синие очки. Для женщины свобода в выборе одежды была равнозначна борьбе за право на образование, равенство, свободу от принудительных браков, независимость. Пример подобной аскезы и экстравагантности в истории моды уже был. Во Франции, в период буржуазной революции, моды создавались чуть ни ежедневно, моментально откликаясь на те или иные события. Например, после казни роялистки Шарлотты Кордэ, убившей революционера Марата (1793 г.), аристократки, в знак солидарности с казненной, стали носить на шею красное ожерелье или полоску красной материи, напоминающую след от ножа гильотины. А родственники погибших на эшафоте, организовали аристократический клуб «Бал жертв», где создавались весьма эксцентричные моды. Скандально-популярной вошла в историю моды женская прическа «жертвы», представляющая собой коротко выстриженные на затылке волосы, как у осужденных на казнь. Через полвека протестная мода, а точнее, «антимода», шокировала и Россию, разрушая общепринятые эстетические женские идеалы [8, с. 123–124]. Понятие «нигилизм» зачастую связывалось консервативными современниками с понятиями «аморализм» и «атеизм».

Любопытны на этот счет воспоминания Ильи Репина о «высоко музыкальном собрании» у композитора Александра Серова, на котором среди прочих присутствовали студенты и «нигилистки», Художник с любопытством разглядывает их необычные одежды: «Точно католический священник!», – удивился Репин, узнав в экстравагантной одетой молодой женщине Ирэн Виардо, дочь знаменитой парижской певицы. На ней были: черное укороченное платье и сапоги с голенищами, кстати, быстро полюбившиеся тем, кто хотел выглядеть «нигилисткой». Впрочем, другая, «красивая блондинка с остреньким носиком» – княжна Друцкая, тоже считавшаяся «нигилисткой», на вечера, как пишет Репин, одевалась «с шиком». Обе были подругами хозяйки дома Валентины Семеновны Серовой, как выражается Репин «фирменной нигилистки» с остриженными волосами. В то же время Валентину Серову знали как «правдивого и хорошего человека». Среди гостей, отмечает Репин, «много лохматого студенчества, не носившего тогда формы, большей частью – серые пиджаки, расстегнутые на красном косом вороте рубахи, штаны и голенища» [14, с. 331].

Так называемое, нигилистическое движение совпало с открытием в России первых высших женских учебных заведений. Стремящиеся к образованию девушки отличались «резвым», объективным, отчасти – мужским складом ума, и это не могло не отразиться на их внешности. Кроме того, аскетизм в одежде обуславливался бытовой необходимостью, не требуя крупных расходов и прислуги, без которой было не обойтись, наряжаясь в кринолины. Тем не менее, правительство всячески пыталось пресечь подобные вольности. Писатель В.Ф. Одоевский рассказал в дневнике о курьезном случае. Нижегородский генерал-губернатор Н.А. Огарев издал приказ от 18 октября 1866 г. начальнику губернии, в котором ставил в известность жителей о том, что «дамы и девицы, носящие особого рода костюм, усвоенный так называемыми нигилистками, и всегда почти имеющие следующие отличия: круглые шляпы, скрывающие коротко обстриженные волосы, синие очки, башлыки и отсутствие кринолины, – должны быть призываемы в полицию и обязаны подпискою изменить свой костюм, иначе <...> будут подлежать высылке из губернии» и находиться под строгим наблюдением [12].

С конца 1860-х гг. в послевоенную Россию на долгие годы вошли в моду весенне-осенние пальто «дипломат» [17, т. 2, с. 288] и «пальмерстон» (названное в честь английского премьер-министра Пальмерстона) [17, т. 1, с. 291]. Женские «пальмерстоны», длинные приталенные пальто с узкими рукавами, высоким разрезом сзади или пышными складками, шили любых цветов шерстяных, плотных шелковых узорчатых тканей. Мужские «пальмерстоны» изготавливали из сукон темных цветов, длинными, двубортными, с бархатным воротником и прорезными карманами. Упоминания об этих «политизированных» пальто встречаются и в литературе. Например, В.М. Гаршин в новелле «Надежда Николаевна» пишет: «Впереди нас <...> – мужчины в меховых пальто, женщины в длинных дипломатах и пальмерстонах из претендующей на роскошь материи» [6, с. 230].

Источником модных идей для революционно настроенной молодежи в России становится восставшая революционная Италия. К одежде «эмансипэ» присоединились демократичные красные рубашки-«гарибальдийки» с маленьким отложным воротником и длинными манжетами на рукавах, пальто «гарибальди», фетровые шляпы «гарибальди» и куртки «а là Гарибальди» (название связано с именем итальянского революционера Джузеппе Гарибальди) [15, с. 158]. На портрете Ильи Репина «Баронесса В.И. Икскуль фон Гильденбандт» (1889 г.) покровительствующая революционерам баронесса изображена в алой блузке-«гарибальдийке» и черной юбке.

Революционная мода и нигилистическая «антимода», несмотря на противоречивость, скандальность, запреты и преследования, перевернули понятие о модах и окончательно завершили эпоху кринолинов, корсетов, турнюр и боа. Одежда российских женщин стала своеобразным показателем значимости того или иного события в политике, литературе, искусстве. Основные различия в манере одеваться были продиктованы, прежде всего, отличиями вкусов, привычек, но самое важное – зависели от политических и общественных взглядов. В анонсе журнала «нового типа» «Женский альманах», помещенного в сборнике «Наша старина» за 1917 г., очень точно определены новые приоритеты: отразить «интересы женщин всех классов общества». В программе журнала: женщина-гражданка, законодательница в парламенте, женщина-труженица; женщина в науке, в искусстве, на сцене и т. д. Раздел мод заменили юмористика и карикатуры. Любопытны условия подписки: для учащихся и трудящихся при коллективной подписке редакция предоставляла льготные условия рассрочки [11, с. 200–201].

Найденные нами факты свидетельствуют о том, что мода, начиная от покроя одежды, фасона, цвета и даже аксессуаров, не существовала независимо от политической и социальной ситуации в стране, тонко отражая эти исторические настроения. Новые детали одежды, передовые модные течения, тенденции возникали не случайно, а становились своеобразными знаками времени, показателями стабильности – нестабильности, упадка или подъема. Вкус новых мод, прежде всего, формировали история и политика, задавая тон развитию культуры.

Источники и литература:

1. Аксакова В. С. Дневник. 1854 – 1855 / В. С. Аксакова. – СПб., 1913.
2. Балаклавская погода и английская мода // Родина. – М. : Родина-пресс, 1995. – № 3-4. – С. 122.
3. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – М. : Изд. им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
4. Богословский Н. В. Николай Гаврилович Чернышевский : 1828–1889 / Н. В. Богословский. – М. : Молодая гвардия, 1957. – 406 с.
5. Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира / Г. Э. Введенский. – СПб, 2006. – 336 с. – (Энциклопедия русской армии).
6. Гаршин В. М. Избранное / В. М. Гаршин. – М., Л. : Гос. изд. худ. лит-ры, 1960. – 426 с.
7. Государственный архив в Автономной республике Крым (ГААРК). – Ф. 26. – Оп. 1. – Ед. хр. 20912. – Л. 23 – 23 об.
8. Киреева Е. В. История костюма / Е. В. Киреева // История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. – М. : Просвещение, 1970. – 166 с.
9. Комиссаржевский Ф. Ф. История костюма / Ф. Ф. Комиссаржевский // История костюма. Уникальные материалы по истории костюма с древнейших времен. – М. : Астрель, 2005. – 336 с.
10. Корнилов А. Основные течения правительства и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы / А. Корнилов // Освобождение крестьян. Деятели реформы. – М.: Научное слово, 1911. – С. 1-53.
11. Наша старина : лит.-истор. журн.-сб. – Петроград : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1917. – Вып. 1. – 299 с.
12. Одоевский В. Ф. Дневник. 1859–1869 гг. / В. Ф. Одоевский // Литературное наследство. – М. : Изд. АН СССР, 1935. – Т. 22-24. – 230 с.
13. Пушкарева Н. Л. Во всех ты, душенька, нарядах хороша. Одежда русских женщин XVIII вв. / Н. Л. Пушкарева // Родина. – М. : Родина-пресс, 1995. – № 8. – С. 76-80.
14. Репин И. Е. Далекое близкое / И. Е. Репин // Далекое близкое. – Л. : Художник РСФСР, 1986. – 488 с.
15. Терешкович Т. А. Словарь моды. Терминология, история, аксессуары / Т. А. Терешкович. – Минск : Хэлтон, 2000. – 464 с.
16. Современник : лит.-полит. журнал, изд. с 1847 г. И. Панаевым и Н. Некрасовым. – СПб. : Типограф. Главн. Штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1854-1856.
17. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 3-х т. / Д. Н. Ушаков. – М. : Вече, 2001.